

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В XVIII-XIX ВВ.

Ф. А. КАМИНСКИЙ, Н. Н. МАКАРОВА

В статье исследуется зарождение и развитие одного из самых больших казачьих войск России – Оренбургского. Автор последовательно рассматривает этапы становления войска, систему управления, хозяйственные и бытовые особенности жизни оренбургских казаков. Особо подчеркивается дисциплинированность войска (оренбуржцы не знали казачьей вольницы), его многонациональность, служба на беспокойных границах.

Ключевые слова: оренбургское казачество, кантональная система, киргиз-кайсаки, пограничная линия, баранта.

В отличие от уральских казаков, стихийно поселившихся по Уралу и долгое время имевших политическую независимость от царя, оренбургские казаки всегда состояли на государственной службе. Свое старшинство Оренбургское казачье войско ведет с 1574 г., когда обустриваются и заселяются первые остроги на пути продвижения русских в Сибирь: Уфимский, Архангельский (позднее г. Бирск), Мензелинский, Алексеевский и др. Далее казаки выходят уже на притоки Тобола. По Исети, Тече, Миассу, возникают новые поселения служилых людей, такие как Белоярский, Верхне-Миасский, Бродоколмакский и др. [10]. Направленные сюда на службу городские казаки охраняли перевалочные пути в Сибирь, следили за сбором ясака и сыском преступников.

В первой трети XVIII в. в приграничной России приаральской степи происходят серьезные политические события. Созданное на северо-западе Китая Джунгарское государство начинает агрессивно вести себя по отношению к соседним киргиз-кайсацким родам. И без того враждовавшие между собой из-за кочевий Жузы начинают вытеснять друг друга с мест традиционных пастбищ. В результате этого вытеснения многочисленные роды Младшего Жуза заняли территории, принадлежавшие до этого башкирам, которые вынуждены были отойти в горно-лесные места.

Правительство Анны Иоанновны организует и направляет на Южный Урал специальную экспедицию под началом статского советника И. К. Кириллова. Целью экспедиции было не только изучение и географическое описание малознакомого края, но и возведения по Уралу, как по условной разграничительной линии пастбищ

башкирских и киргизских племен, опорных укреплённых пунктов.

10 ноября 1734 г. экспедиция, позже получившая название Оренбургской, прибыла в Уфу. Уже в конце года была построена Верхнеицкая пристань (с 1775 г. г. Верхнеуральск), а летом 1735 г. в месте впадения реки Орь в Урал была заложена Оренбургская крепость [6]. С 1736 г. начинается строительство протяженной укрепленной линии, которая к концу года насчитывала 21 укрепление [1]. Среди них надо выделить Чебаркульскую, Еткульскую, Миасскую и Челябинскую крепости.

С 1743 г. по Уралу и его притокам возводятся десятки новых поселений, в том числе и крепость Магнитная (на ее месте находится современный г. Магнитогорск). На новые места по указу Неплюева переводятся городские казаки из Самары, Уфы и Алексеевска. Туда же и переводятся и городские дворяне, отправляются ссыльные и беглые крестьяне. Если в целом по краю в 1739 г. русские составляют 15,1 % населения, то в 1795 г. уже 40,7 % от всех жителей [2]. Среди переселенцев были представители и других народов, в частности, мордва и калмыки.

Переселение на Южный Урал тысяч людей породило и значительные проблемы с их обеспечением. До середины XVIII в. все необходимое, включая хлеб, завозилось из поволжских и центральных районов России. Для этого выделялись значительные отряды сопровождения, ибо несмотря на принятие покровительства российской короны, степняки не прекращали разбойные набеги на русские поселения, угоняя скот и пленников. Поэтому было принято решение о первосте-

пенном развитии земледелия вокруг крепостей и редутов. Уже к концу XVIII в. казачье население края полностью обеспечивало себя продуктами питания.

Принявшая под свое покровительство недружелюбно к ней относящиеся киргиз-кайсацкие роды Россия получила довольно серьезную проблему, суть которой состояла в необходимости недопущения прямых контактов между враждовавшими между собой башкирскими и киргизскими племенами. Этим и было официально объяснено строительство нескольких пограничных линий, заселяемых служилым военным населением. Отчасти идея предотвращения столкновений между степняками стала и поводом для активной колонизации приуральского региона.

В XVIII в. было построено несколько десятков укреплений, объединенных в линии. Основная нагрузка по охране беспокойных границ пришла на Нижнеяицкую укрепленную линию, протянувшуюся от Илецкого городка на Урале до Оренбурга, Верхнеяицкую – от Орска до Верхнеуральска и Уйскую, протянувшуюся от крепости Усть-Уйской до крепости Карагайской. Ранее существовавшие на Южном Урале укрепленные линии Самарская, Сакмарская и Исетская в связи с удаленностью от новых границ утратили свое значение и стали выполнять роль внутренних оборонительных линий [1, с. 34].

Изначально население крепостей и редутов было смешанным. Кроме переведенных туда родовых казаков там размещались другунские и пехотные роты. Но в дальнейшем передислокации регулярных войск в гарнизоны прекратились, и уже в начале XIX в. все военные поселения края становятся преимущественно казачьими по составу своего населения.

Гарнизонные команды часто состояли в большинстве своем из инвалидов и солдат преклонного возраста, и поэтому охрана приграничных территорий ложилась на мобильные и профессионально подготовленные для борьбы со степными воинами-всадниками казачьи отряды, которых в отличие от армейских полков стали называть иррегулярным войском. Уже в середине XVIII в. между Уфой и Оренбургом назначаются сменные команды из казаков внутренних станиц. Кроме того, казаки исполняли конвойную службу, занимались заготовками и ремонтом.

С 1755 г. по предписанию все служилые казаки обязаны были выполнять ординарную службу: содержать в крепостях и форпостах внутренние и внешние караулы вместе с регулярными чинами, летом производить разъезды по линиям, перево-

зить до определенного места почту, проезжим по службе давать квартиры и подводы для прогонов, конвоировать их и арестантов, чинить крепостные строения, заготавливать и привозить лес, смолу, деготь, уголь и выполнять все работы в крепостях по указу комендантов [7].

На солдат попутно с их непосредственной службой стали возлагать обязанности по заготовке сена, распахке земель и выращиванию хлебов. Впоследствии, таким образом, поднятые земли вошли в основной земельный запас казачьего войска.

Потребности в осуществлении более прочной охраны южной части уральского края заставили активно привлекать на службу башкир и мещеряков. Оренбургская администрация старалась с выгодой для себя использовать традиционную вражду между кочевниками. В 1784 г. в поддержку линейных гарнизонов было привлечено 2410 башкир и мещеряков, а в Троицкой, Кизильской, Орской и Верхнеуральской крепостях было размещено еще 450 башкир в качестве дополнительного резерва [1, с. 49].

В конце XVIII – первой половине XIX в. угроза нападения киргиз-кайсаков была постоянной реальностью, и поэтому даже на полевые работы казаки выезжали при оружии. На ночь все были обязаны возвращаться в укрепления. Контролировались все броды по Уралу, а в местах регулярных прорывов киргизов сквозь пограничную линию устраивались засады. В этом была необходимость. Оренбургский губернатор Г. С. Волконский писал в своем донесении в столицу, что: «киргиз-кайсаки, проходя через линию, грабят мирное население прилегающей к границе полосы. Нанимаясь у крепостных жителей в работники, они изыскивают случаи заметить башкирские и казачьи табуны, места, где удобно перегонять через Урал рабочий скот и совершают дерзкие грабежи» [12].

На начальников дистанций была возложена обязанность по подготовке молодых казаков к нелегкой и опасной службе. Вступая в строй с 17-18 лет, они в процессе службы, в совместных боевых действиях с более опытными воинами, перенимали навыки управления конем в бою, владения холодным и огнестрельным оружием. Оренбургские казаки перед выходом на службу, как требовали чиновники столичной Военной коллегии, должны были иметь: «добрых и сытых коней, исправное оружие, а именно сабли, турки, а по нужде и сайдаки, копье, и были б на лошадях всякому действию способны и проворны, и в одежде не нужны: того во все лето от команд опреде-

ляя надежных людей, только не в рабочую пору, чинить им смотры и по всей той исправности наблюдать» [1, с. 51].

В 1781 г. в результате очередной административной реформы Оренбургская губерния была временно упразднена (восстановлена заново в 1796 г. императором Павлом Первым). Оренбургская область включила в себя Верхнеуральский, Троицкий, Оренбургский и Бузулукский уезды. Самара и Ставрополь теперь были отнесены к Симбирскому наместничеству [8]. Оренбург в этот период становится просто областным городом, а центральное руководство в крае сосредотачивается в руках уфимского генерал-губернатора.

После восстановления Оренбургской губернии ее новый военный губернатор подал императору предложение о разделе территории южно-уральского края на кантоны – так называлась новая военно-территориальная административная единица. Всего было создано семь казачьих, одиннадцать башкирских и пять мишарских кантонов. Казачьи оренбургские кантоны насчитывали по списку 20499 служилых казаков [1, с. 55].

Кантональные правления, осуществлявшие полный контроль над подвластным им населением, были заняты не только военными вопросами, но и хозяйственными, что поручалось особо выделенным заседателям кантональных правлений. Начальникам кантонов подчинялись непосредственно станичные атаманы. Кантональные начальники имели довольно обширные полномочия. Они контролировали очередность выхода казаков на службу, исполняли полицейские функции, следили за выполнением распоряжений губернских начальников. Они же имели преимущественное право при решении хозяйственных вопросов: следили за справедливым распределением пастбищ и сенокосов, пахотных земель, за общественными запашками, введенными в обязательном порядке в 30-х гг. XIX столетия, чтобы подстраховывать станичные общества на случай неурожая и голода. Кантональные начальники назначали походных атаманов, сопровождавших казаков к месту службы.

В результате реформ молодого императора Александра Первого вместо Военной коллегии было создано Министерство военно-сухопутных сил, при котором впоследствии был сформирован департамент военных поселений, к которому были отнесены казачьи войска. Служили казаки нежизненно, в отличие от солдат регулярных частей, которые увольнялись после двадцати пяти лет несения службы. Казаки отныне исполняли полицейские обязанности. Например, с 1817 г.

трехсотенный отряд оренбуржцев регулярно отправлялся на Нижегородскую ярмарку, а с 1820 г. и в Москву для «обеспечения надлежащего спокойствия» [4]. Казакам, отправляющимся в Москву, надлежало иметь соответствующий вид, то есть куртки и шаровары синего цвета с малиновой выпушкой, саблю, ружье и пику. Кроме того, отправляясь в старую столицу, помимо строевых коней казаки обязаны были иметь одну выючную лошадь на двоих. Тогдашний расход на казачью справу достигал 20 руб. серебром [1, с. 69].

В первой трети XIX в. остро встал вопрос о переносе пограничной линии Верхнеуральск – Орск вглубь степи на восточном направлении до Троицкой крепости. Это был самый беспокойный участок, где несли службу оренбургские казаки. Башкир и киргиз-кайсаков разделяла лишь узкая земельная полоса по пятнадцать верст по обе стороны Урала, переданная казачьему войску в 1832 г. Степные жители с обеих сторон прорывались сквозь кордоны и осуществляли «баранту» – угон скота. Киргизы часто захватывали пленников и продавали их на рынках среднеазиатских феодальных княжеств. Были зафиксированы неоднократные факты разбоев с целью грабежа и случаев гибели от киргизов мирных жителей. Это вызывало оправданное беспокойство у оренбургского руководства, и в 1832 г. был создан специальный комитет для выработки доклада в Азиатский комитет Министерства иностранных дел по поводу переноса пограничной линии вглубь степи. В этот комитет помимо военных чинов входил и чиновник по особым поручениям при военном губернаторе, в будущем создатель Толкового словаря, коллежский асессор В. И. Даль.

Военный губернатор Оренбуржья В. Перовский, который и явился главным инициатором создания новой линии, не просил у Петербурга дополнительных средств, а предлагал обойтись местными средствами, что вполне устраивало Министерских чиновников. Но в инструкции, утвержденной императором, особо подчеркивалось, что все те, кто будет переселен на новые рубежи Российского государства, должны быть в первую очередь профессиональными воинами, охранниками и защитниками этих территорий, а не просто колонистами. В документе прямо говорилось, что она (новая линия) должна быть заселена исключительно казаками. Особо было выделено, что «вся вновь занятая линия границы должна составить собственность Оренбургского казачьего войска, из которой казачьему населению следует отвести наделы земли по 30 десятин на каждую ду-

шу населения. Земли, оставшиеся в излишке от наделов казаков, составляют фонд Оренбургской губернии и находятся в распоряжении пограничной комиссии [11].

Процесс обустройства и заселения новой линии проходил сложно и затянулся против ожидаемого на несколько лет. Казаки опасались перебираться в необжитый степной район, известный постоянными набегами. Они объясняли свое нежелание покидать родные места нехваткой средств, болезнями и другими, чаще надуманными причинами. Например, о своем открытом нежелании на переселение заявили казаки станиц Бузулукской, Нагайбакской, Ельдятской и Табынской [1, с. 98].

Приказы Оренбургского губернатора исполнялись через силу. И если в 1837-1839 гг. на новую линию переселились только 663 казака из третьего, четвертого и пятого кантонов, то только за 1841 г. количество переехавших составило 6800 чел. [9].

Новых жителей степного края ждало немало трудностей. Приходилось поднимать целину, ощущалась нехватка питьевой воды из-за засоленности отдельных мест, нехватка сенокосов. В начале 1840-х гг. разработанный проект был осуществлен и башкирские выпасы были отделены от киргиз-кайсацкой степи на значительное расстояние, что обеспечило местному населению относительно мирное существование. Правда, какое-то время казахские роды еще осуществляли выпасы на межлинейном пространстве, пока оно еще не было достаточно плотно заселено.

Но редкая цепочка укреплений на стыке киргизских кочевий не была гарантом полной безопасности границ, и возникла необходимость плотного заселения внутрилинейных территорий, где располагались значительные плодородные земли, еще не тронутые плугом первопроходца. Специальная команда под началом войскового старшины И. И. Авдеева была направлена весной 1842 г. на разведывание местности. Необходимо было разместить новые поселки и определить расстояние между ними, чтобы соблюсти полагаемую на каждого взрослого казака земельную норму в 30 десятин. Кроме того, на каждый поселок полагался резервный земельный запас на случай увеличения численности казаков, родившихся или дополнительно прибывших к уже ранее переселенным. Таким образом было построено 32 новых поселка.

Более десятка поселков с прилегавшими к ним территориями были заселены нагайбаками, до этого проживавшими в Уфимском уезде. Это

были потомки когда-то крещеных русскими царями татар, которые на протяжении долгого периода были верными и храбрыми воинами России. Не принимаемые ни татарами, ни башкирами (якобы за измену исламскому вероисповеданию) они вынуждены были жить изолированно. Во время башкирских восстаний они нередко исполняли карательные функции, вызывая еще большую неприязнь башкир-мусульман. Поэтому переезд на новое место жительства из Нагайбацкой и Бакалинской станиц и прилегающих к ним поселков, населенных нагайбаками, прошел относительно безболезненно. Каждое хозяйство получило на переезд для первого посева по пять пудов пшеницы, по четыре пуда ржи, по два с половиной пуда ячменя, по 30 фунтов гороха и по 20 фунтов проса. Переселенцам за счет казны выдавали плуги, бороны, косы и другой инвентарь. Те семьи, которые имели по несколько детей, получали единовременное пособие в размере 14 руб. 27 коп. На строительство дома и полагающихся пристроек дозволялось вырубить 70 стволов строевого леса. Всего было переселено на новую линию 2877 нагайбаков с семьями [5].

В первое время новые поселения носили только порядковые номера, но впоследствии специальным указом им было предписано давать названия в честь побед русской армии и ее славных полководцев. Поэтому на карте Челябинской области до сегодняшнего дня существуют Фершампенуаз, Париж, Берлин, Чесма, Варна, Кассель, Арси, Остроленка, Бородиновка, Березиновка, Куликовка, Балканы, поселок Александроневский и т. д.

В целом, строительство и заселение новой линии благотворно отразилось на положении самого Оренбургского казачьего войска, превратив его в одно из самых крупных по численности казачьих войск России. Если в 1837 г. прирост русского составил 5743 чел., то уже в 1840 г. оно выросло на 40384 чел., а в 1844 г. еще на 10605 чел. [3].

После построения нового пограничного рубежа в подчинение Оренбургского войскового правления входили уже 45 крепостей и редутов, населенных в основном казаками. Именно оттуда уходили оренбургские казаки на завоевание Средней Азии, а когда граница Российской империи на данном участке отодвинулась далеко на юг, кордонная служба с пограничной линии была снята (1871 г.) и Оренбургское казачье войско из пограничного превратилось во внутреннее.

Литература

1. Абрамовский А. Б., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С. 23.

2. Гаврилов Д. В. Заселение и освоение свободных земель на Южном Урале во второй половине XIX – начале XX вв. // Иван Иванович Неплюев и южноуральский край: мат-лы науч. конф. Челябинск, 1993. С. 22.

3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО) Ф. И-6. Оп. 18. Д. 310. С. 6.

4. Государственный архив Челябинской области (ГАЧО) Ф. И-31. Оп. 1. Д. 13. С. 5.

5. История казачества Урала: учеб. пособие / под общ. ред. В. Ф. Мамонтова. Оренбург; Челябинск, 1992. С. 135.

6. Казачьи войска. Хроника. М., 1992. С. 235.

7. Казачьи войска. Прошлое, настоящее, будущее. М., 1992. С. 258.

8. Кобзов В. С. Административная реформа 1865 года и ее влияние на Оренбургское войско // Оренбургскому краю 250 лет: мат-лы юбилейной науч. конф., посвященной 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области. Оренбург, 1994. С. 39.

9. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского войска. Вып. 10. Оренбург, 1903. С. 174.

10. Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 38.

11. Рязанов А. Ф. На стыке борьбы за степь: Очерк по истории колонизации Новолинейного района // Труды Оренбургского географического общества. Вып. 26. Оренбург, 1928. С. 22.

12. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ) Ф. И-2 Оп. 1. Д. 9736. С. 63.

* * *

COSSACK ARMY OF ORENBURG IN EIGHTEENTH AND NINETEENTH CENTURIES

F. A. Kaminskiy, N. N. Makarova

This article studies the arising and the development of one of the greatest Cossack Armies of Russia that is the Army of Orenburg. The authors successively examine the stages of formation of the Army, the control system, economic and everyday-life features of living of the Cossacks of Orenburg. One highlights discipline of the Army (there were no freemen and outlaws among the Cossacks of Orenburg), its multinationality, and patrolling of disturbed borders with the steppe.

Key words: the Cossacks of Orenburg, cantonal system, kirgiz-kaysaki, border line, baranta.